

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

Отдельный оттиск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

ставлялось ранее. Предварительно можно говорить о двух районах, где преобладают свои специфические черты: средний Дон (Боршевский могильник) и р. Воронеж (Лысогорский,

Белогорский и другие могильники). Возможно, впоследствии определится и третий район — верхний Дон, где до сих пор не выявлен ни один древнерусский курганный могильник.

Д. А. АВДУСИН ГНЕЗДОВСКАЯ КОРЧАГА

(Москва)

За 20 лет, прошедших со времен открытия в одном из Гнездовских курганов под Смоленском глиняного сосуда с надписью (см. рис.), появилось несколько чтений и толкований того короткого слова, из которого она состоит. Такое внимание к глиняному сосуду и к короткой надписи на нем объясняется тем, что эта надпись — древнейший памятник русской письменности.

Обстоятельства этой находки неоднократно опубликованы¹, поэтому, не останавливаясь на них, перейдем к существу вопроса.

Все исследователи согласны с тем, что надпись отражает или содержимое сосуда, или имя его владельца.

Первое чтение надписи в нашей совместной статье дал М. Н. Тихомиров, прочитавший это слово как «гороухца». «Можно предположить, — писал он, — что под словом „горчица“ или „гороухца“ нашего памятника следует понимать собственно не горчичное семя, а перец — одну из самых дорогих пряностей средневековья. Это предположение, конечно, требует проверки, но оно согласуется с нашими представлениями о причинах, по которым понадобилось делать надпись на глиняном сосуде». «Кто знает, — продолжал М. Н. Тихомиров, — может быть, гнездовский сосуд хранил те овощи, по-нашему пряности, которые входили в состав даров, полученных Олегом от греков после похода на Царьград?»²

М. Н. Тихомиров, читая надпись как «гороухца», считал, что писец нетвердо знал, как писать это слово: «гороуха» или «гороуца» и написал сначала «х», а затем, заколебавшись, решил, что надо написать «щ». Стереть уже написанное «х» было нельзя, так как надпись выцарапывалась на обожженном сосуде, поэтому в слове остались и «х» и «щ».

П. Я. Черных дал другое чтение надписи. Он указывает, что буквы «щ» на длинном хвостике, и при этом стоящей целиком на строке, нет даже в древнейших кирилловских памятниках. По мнению П. Я. Черных, неверно прочитано и «х», так как у этой буквы линии не могли пересекаться в самом верху; в древнейших памятниках кирилловской письменности они пересекаются посередине. Если же считать возможным пересечение линий на самых концах, то в гнездовской надписи, поясняет П. Я. Черных, можно было бы прочитать «х» в двух случаях, потому что правая линия буквы «х», прочитанной М. Н. Тихомировым, в нижней ее части пересекается с нижним концом предполагаемого длинного хвостика буквы «щ». Отсюда в надписи надо читать не «хщ», а «шн», точнее, как большое «Н» с косой соединительной чертой, как в латинском «N», и с посаженным на правую мачту «ш». Значит заключает П. Я. Черных, гнездовское слово надо читать, как «гороушна». Существование этого слова в древнерусском языке несомненно. Оно означает «горчичные», подразумеваются зерна, семена³.

Таким образом, П. Я. Черных, тщательно рассмотрев аргументацию предшественника, нашел в ней слабые стороны и предложил свое чтение гнездовской надписи. Чтение, предложенное П. Я. Черных, положено, например, в основу статьи Ю. М. Золотова, предложившего гипотезу о практическом применении зерен горчицы в Древней Руси. К сожалению, эта гипотеза не выходит из рамок предположения⁴.

Г. Ф. Корзухина безоговорочно принимает чтение, предложенное М. Н. Тихомировым⁵.

³ П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 400, 401. Кроме N, имеющегося в надписи, недалеко от нее на корчаге процарапано еще одно N. Его назначение неизвестно. Может быть, это инициал владельца корчаги?

⁴ Ю. М. Золотов. О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна». СА, 1964, № 1.

⁵ Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. «Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова». Л., 1961.

¹ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 4; Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952; он же. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. 38, 1951.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 76—77.

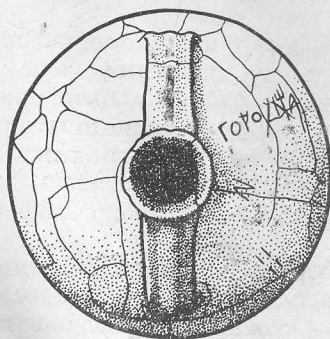
О гипотезе П. Я. Черных она лишь упоминает, не подвергая ее никакой критике. Г. Ф. Корзухина пишет, что «М. Н. Тихомиров был безусловно прав, отметив, что, нанося это слово на амфору, писец колебался, какую из двух пишущих [? — Д. А.] следует ему изобразить — „х“ или „ш“». Это мнение о «безусловной правоте» М. Н. Тихомирова в интересующем нас вопросе Г. Ф. Корзухина не подкрепляет никакими новыми аргументами, что она должна была бы сделать, имея в виду поправки П. Я. Черных.

Отмечая несовпадение слова «гороухца» с начертанием в памятниках славянской и русской письменности слова «горчица», Г. Ф. Корзухина не обращает внимания, что чтение П. Я. Черных устраняет это несоответствие. Исходя из гипотезы М. Н. Тихомирова, Г. Ф. Корзухина принимает за основной вариант «гороухца», сближает его со словами «гороухце» — «гораще» и предполагает, что гнездовская надпись могла означать «жидкость, способную гореть». Далее Г. Ф. Корзухина поясняет, что этой жидкостью, по ее мнению, могла быть нефть. К сожалению, эта бездоказательная трактовка гнездовской надписи очень понравилась К. В. Кострину, использовавшему ее в своей книге⁶. К нашему удивлению, выводы Г. Ф. Корзухиной использовал в своей статье М. Г. Рабинович, который как археолог должен был обратить внимание на аргументирующую часть статей по этому вопросу⁷. Ниже мы еще раз вернемся к вопросу о предполагаемом содержании корчаги.

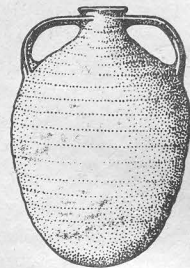
Т. Арне уделил внимание гнездовской надписи, но ничего нового о ней не написал⁸.

Чехословацкий лингвист Ф. Мареш прочитал гнездовскую надпись как «Гороух пса», то есть «Гороух [имя] писал»⁹. Примеры надписей типа «такой-то писал» известны, но они обычно дописаны, а в этом варианте гнездовская надпись представляется неоконченной. Во-вторых, к толкованию Ф. Мареша относятся все возражения, сделанные П. Я. Черных М. Н. Тихомирову. Здесь нет буквы «х», и это разрушает гипотезу Ф. Мареша.

Р. Якобсон читает гнездовское слово как «го-

0 5 см

0 5 см

Глиняный сосуд с надписью

руонйа», то есть «горунова» (корчага)¹⁰. Но нам кажется мало аргументированным чтение буквы «и» вместо хорошо обоснованной П. Я. Черныхом буквы «ш».

Хотя гипотеза Г. Ф. Корзухиной о том, что в гнездовской корчаге была нефть, не соответствует палеографическому анализу надписи, тем не менее для полноты аргументации рассмотрим и этот аспект ее статьи. Г. Ф. Корзухина пишет: «Амфора — это тара для перевозки не сыпучих тел, а жидкостей — вина и масла. Так и только так использовалась амфора в античном мире. Таково же было ее назначение и в средние века»¹¹.

Это категоричное суждение не подтверждается. А. В. Арциховский пишет: «Амфора являлась самым распространенным сосудом и предназначалась главным образом для перевозки зерна, вина, масла, воды и т. д.»¹². Таким образом, назначение амфоры как тары для зерна указано здесь в первую очередь. Об этом же очень распространенном назначении амфоры говорил и М. Н. Ростовцев¹³. В. Д. Блаватский пишет, что в амфорах перевозили маслины и виноград¹⁴. Можно вспомнить корчагу из раскопок М. К. Каргера, наполненную бусами¹⁵. Таким образом, Г. Ф. Корзухина совершенно

¹⁰ R. Jakobson. Vestiges of the Earliest Russian Wernacular, VIII. Word, 1952.

¹¹ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 227.

¹² А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 85. Избираю эту книгу А. В. Арциховского, так как здесь речь идет о классических греческих амфорах (глава «Греция»). Но это же повторено А. В. Арциховским в книге «Основы археологии» (М., 1954, стр. 140).

¹³ M. Rostowzew. Frumentum. Poulyissowa Real-Encyclopadie der klassischen Altertums Wissenschaft, T. VII. Stuttgart, 1912, стр. 133.

¹⁴ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 36.

¹⁵ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 422.

⁶ К. В. Кострин. Почему нефть называют нефтью. М., 1967, стр. 17.

⁷ М. Г. Рабинович. Судьба вещей. «Наука и жизнь», 1967, № 1.

⁸ T. Y. Arne. Det vikingatidå. Gnezdovo Smolensk föregångare. «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm, 1952.

⁹ F. V. Märes. Dva objeivy starých slovánských napisů (v. SSSR u Smolenska a v Rumunsku). «Slavia», 1951—1952, XX, стр. 497 и сл.

напрасно ограничивает круг предметов, перевозимых в корчагах, только жидкими телами. И хотя Г. Ф. Корзухина указывает, что перевозить зерно в амфорах не могли, потому что амфоры занимали много места и были тяжелы, эта тара все-таки широко использовалась для перевозки семян, так как она предохраняла их от сырости.

Но вернемся к нефти. Я нимало не сомневаюсь в том, что нефть в Причерноморье в средние века как-то использовали. Неоднократные находки амфор с нефтью или ее остатками (в Тиритаке, в Танаисе, на Таманском полуострове) с несомненностью свидетельствуют, что этот вид сосудов предпочитали при перевозке или хранении нефти. Это и понятно: узкое горло амфор и, может быть, кувшинов легко заткнуть чем-нибудь или замазать. На черепках гнездовской корчаги следов нефти нет, но Г. Ф. Корзухина справедливо не считает это аргументом против ее утверждений. Действительно, как сообщили мне геологи, в огне погребального костра неизбежно выгорят все следы нефти.

Для чего же могла бы использоваться нефть, если бы ее вдруг привезли под Смоленск? По мнению Г. Ф. Корзухиной, она «освещала жилище знатного воина, похороненного позже в одном из курганов». Думаю, что подобное освещение жилища мало вероятно. Уж слишком дорого обошлась бы нефть, провезенная многоверстным путем через море, через пороги, под вражескими стрелами — путем, сопряженным и с другими опасностями. Нефтяной светильник вряд ли имел большие преимущества перед масляными и к тому же издавал неприятный запах. Видимо, Г. Ф. Корзухина написала об освещении нефтью потому, что гнездовская корчага мала. Ее объем лишь 5200 см³. А кроме этой корчаги, ни одного черепка подобного сосуда в Гнездовских курганах нет. Стало быть, нельзя доказать, что нефти было много, если бы даже в корчаге была нефть. Вряд ли даже гнездовские аристократы X в. освещали свои жилища нефтью.

М. Г. Рабинович пишет, что нефть могла применяться для изготовления греческого огня. Может быть, греки и использовали нефть для приготовления своего страшного оружия.

По поводу нефти, привезенной в Гнездово, М. Г. Рабинович предполагает, что во время проливных осенних дождей трудно было развести погребальный костер и для похорон «не пожалели, видимо, и какого-то количества дорогой, привезенной из Византии нефти»¹⁶. Собре-

¹⁶ М. Г. Рабинович. Указ. соч. Думаю, что в этих случаях могли использовать смолу, а не нефть.

менные охотники и туристы разжигают костер в любую погоду от одной-двух спичек, а в Древней Руси отлично пользовались кресалом. А как разжигали погребальный костер до того, как привезли нефть, или после того, как она кончилась? Сторонники этой «погребальной» гипотезы высказывалось предположение, что корчага была найдена разбитой именно потому, что она была с нефтью. Но я уже много раз упоминал в печати, что в Гнездове существовал обычай бить на похоронах лучшие сосуды. Так, в большом кургане, раскопанном В. И. Сизовым, была найдена разбитая дорогая поливная тарелка. В другом кургане Н. Бируковым найдена поливная кружка, разбитая на много частей. Корчага — безусловно лучший из сосудов в кургане 13 и единственный в своем роде в Гнездове. Каков смысл этого обряда — битья лучшей посуды, сказать трудно, но во всяком случае к нефти он не имеет никакого отношения.

Все эти предположения приводятся для того, чтобы показать, что массовый завоз нефти под Смоленск и использование ее для освещения, для разжигания костра, для греческого огня были невозможны. Полагаю, что единственным полностью аргументированным вариантом чтения гнездовской надписи следует считать гипотезу П. Я. Черных, что слово надо читать как «гороушна», что означает «горчичные» (зерна, семена).

В заключение несколько соображений о датировке кургана, в котором найден сосуд, а следовательно, и о датировке самой надписи. Определение времени возведения кургана первоначально основывалось на датах арабских дирхемов, найденных в кострище. Один из них неопределим, о втором можно лишь сказать, что он, как и все остальные, чеканен при Аббасидах; дата третьего дирхема — вторая половина VIII — начало IX в.; четвертый дирхем чеканен в 234 г. х. (848—849 гг. н. э.); пятый, происходящий из Мединет-ас Селяма (то есть из Багдада), чеканен в 295 г. х., то есть в 907—908 гг. н. э. При этом учитывалось, что если для третьего дирхема принять даже наиболее позднюю дату — начало IX в., то, значит, он бытовал уже не менее 100 лет — срок для монеты очень большой. Поэтому считаю, что между временем чеканки и временем захоронения самого позднего дирхема был очень небольшой перерыв. Вот почему курган и надпись были датированы первой четвертью X в. Этому соответствовал и вывод Р. Р. Фасмера, что монетные клады IX в. состоят обычно из аббасидских монет (все монеты этого кургана аббасид-

ские), а клады X в. — из саманидских¹⁷. Меч, найденный в погребении, относится к типу «Е», по Петерсену. Этот тип мечей датируется IX в. Казалось, курган датирован.

Но впоследствии удалось усмотреть еще ряд датирующих признаков. А. Л. Якобсон, рассматривая средневековые амфоры Северного Причерноморья, выделяет группу сосудов, к которой присоединяет и гнездовскую корчагу. Сюда же относятся амфоры из Тиритаки, Коктебеля, Тамани, из городищ в районе станицы Цимлянской. Все они носят местный характер, за пределами Северного Причерноморья не встречаются, не характерны и для Византии. А. Л. Якобсон датирует их VIII—IX вв., причем замечает, что такого рода амфоры, происходящие из Саркелского городища, относятся ко времени не ранее второй половины IX в. и не позднее первой половины X в.¹⁸

В интересующем нас Гнездовском кургане 13 есть сосуды, лепленные без помощи гончарного круга, есть горшки переходных форм и нет местных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Переход к гончарному кругу в Гнездове совершился, судя по материалам раскопанных курганов, вероятно, в середине X в. Горшки переходных форм, подобно урне из кургана 13, говорят о времени насыпки кургана, более близком к середине X в., чем к его началу¹⁹. Гончарные сосуды из этого кургана привозные, это наша корчага и маленький туалетный кувшинчик²⁰.

¹⁷ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 59.

¹⁸ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1954, стр. 334. Таким образом, при датировке амфор Северного Причерноморья А. Л. Якобсон использовал не датировку гнездовской корчаги, а саркелский материал. Стало быть, первичная датировка надписи, предложенная мной, не могла ввести в заблуждение А. Л. Якобсона, как это представляет Г. Ф. Корзухина в своей статье о гнездовской находке (см. стр. 229, примечание 18). Если бы дело обстояло по описанию Г. Ф. Корзухиной, то даты амфор оказались бы ограниченными более ранней верхней границей.

¹⁹ Это соображение об изменении датировки кургана 13 высказано мной в 1957 г. (см.: Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 183). В книге «Смоленск. Справочник-путеводитель» (Смоленск, 1957, стр. 48) надпись на корчаге датирована мной серединой X в.

²⁰ Между прочим, наличие в кургане второго привозного сосуда, тоже, вероятно, происходящего из Се-

Меч, найденный в кургане 13, как выяснил А. Н. Кирпичников, хотя и относится к типу «Е», но имеет своеобразие, состоящее в ином характере орнамента рукояти. Обычные мечи этого типа, характерные для Западной Европы, имеют мелкий ячеистый орнамент, а меч из Гнездова, равно как и некоторые другие мечи этого типа (все с территории Руси), имеют крупные ячейки с особыми проволочными выкладками. А. Н. Кирпичников склонен датировать русскую группу мечей типа «Е» «зрелым X веком»²¹.

В инвентаре кургана 13 имелась черепаховидная фибула. К сожалению, она испорчена огнем и по ее остаткам нельзя определить ее тип. По наблюдению В. С. Дедухиной, все подобные фибулы из Гнездова относятся к X в., причем обычно к его второй половине²².

Приведенные наблюдения и факты говорят в пользу более поздней даты, чем начало X в. Однако скорее этот курган следует датировать серединой X в., чем его второй половиной. К такой осторожности вынуждают наличие в кургане только аббасидских монет, датировка саркелских амфор временем не позже середины X в. и маловероятность большого разрыва в датировке мечей с мелкими и крупными ячейками на рукоятках.

И последнее. Г. Ф. Корзухина высказала интересное предположение об этимологии слова «корчага». По ее гипотезе, этот термин происходит от древнерусского названия Керчи — Корчев и означает «сосуд из Корчева». Сейчас на подобных сосудах известно уже много русских надписей. Естественно, что предпочитали помещать именно корчаги. Горчица, вино — южные продукты и несомненно, что надписи такого типа делали на юге во время упаковки продуктов в корчаги. Может быть, эти надписи крымского происхождения? В связи с этим, может быть, полезно вспомнить «курсунские книги», о которых упоминается в «Житии» Константина Философа.

верного Причерноморья, может говорить о том, что оба сосуда привезены в Гнездово одновременно. В этом случае вероятно, что они привезены тем человеком, который погребен в этом кургане, или куплены им оба вместе у пришельца с берегов Черного моря.

²¹ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. I. М.—Л., 1966, стр. 30—31.

²² В. С. Дедухина. Фибулы скандинавского типа. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 196—197.